

COVENANT & CONVERSATION

ЭССЕ ОБ ЭТИКЕ

РАББИ ЛОРД ДЖОНАТАН САКС, ЗЕХЕР ЦАДИК ЛИ-ВРАХА

ПЕРВОНАЧАЛЬНО НАПИСАНЫ И ОБНАРОДОВАНЫ В 5775 ГОДУ

Благодарим организацию "Уол легаси" (Wohl Legacy) за щедрую спонсорскую поддержку Covenant & Conversation. Морис был дальновидным филантропом. Вивьен была глубочайше скромной женщиной. Вместе они представляли собой уникальный тандем - преданный своему делу и милосердный, "жить" значило для них "жертвовать".

Перевод с английского Светланы Силаковой

От священника к народу

« Кдошим »

В начале недельной главы происходит нечто фундаментально важное, причем эта история — один из величайших, хотя редко признаваемых таковыми, даров иудаизма миру.

Доселе Ваикра была в основном книгой о жертвоприношениях, ритуальной чистоте, Святылище и священстве. Словом, о святом пространстве, святых жертвоприношениях, а также об элите и святых людях — Аароне и его потомках — совершающих служение в этом пространстве. И вдруг в главе 19 текст «раскрывает объятия» всему народу в целом и всей жизни в целом: «Г-сподь сказал Моше: передай всей общине сынов Израиля: "Будьте святы, ибо свят Я, Г-сподь, ваш Б-г!"» (Ваикра, 19:1–2).

Это первый и единственный случай в книге Ваикра, когда заповедано обратиться ко всем без исключения. По словам мудрецов, это означает, что о содержании этой главы Моше объявил, обращаясь к официальному собранию всего народа (акэль).

Именно народу в целом, а не только элите — священству — заповедано: «будьте святы». Следует освятить жизнь как таковую, разъясняется в дальнейшем тексте главы. Святость должна проявляться в том, как народ шьет себе одежду и засекает поля, как вершит суд и расплачивается с работниками, как деловые люди ведут бизнес. Малозащищенные группы населения — глухих, слепых, престарелых и переселенцев — следует взять под особую защиту. Общество должно руководствоваться любовью, не поддаваясь обидам и желанию мести.

Иначе говоря, мы наблюдаем радикальную демократизацию святости.

Священнослужители были во всех обществах Древнего мира. До этого момента в Торе встречались уже четыре места, где упоминается о священнослужителях других народов, не имеющих отношения к сынам Израиля: Мальки-Цедек, современник Авраама, названный «служителем Б-га Всевышнего»; Потифар, тесть Йосефа; египетские жрецы: их землю Йосеф не стал «национализировать»; Итро, тесть Моше, мидьянский жрец. Сословие священнослужителей не было особенностью Израиля: это была элита всех народов.

Здесь же в Торе мы впервые встречаем кодекс святости, адресованный народу в целом: нас всех призывают быть святыми.

Как ни странно, это не становится неожиданностью. Намек на эту идею, хоть и без подробностей, уже был сделан. Прямой намек содержится в прологе к великой церемонии заключения завета на горе Синай, когда Б-г велит Моше объявить народу: «Поэтому, если вы будете слушать Меня и хранить союз со Мной, то вы будете Моим достоянием среди всех народов. Вся земля принадлежит Мне, а вы будете у Меня царством священников и святым народом!» (Шмот, 19:5–6). То есть речь идет о таком царстве, где все члены общества будут в каком-то смысле священниками и народом, который свят целиком.

А первый намек звучит еще раньше, в первой главе Берешит: «Создадим человека по Нашему образу и Нашему подобию» <...> И сотворил Б-г человека по Своему образу, по образу Б-га сотворил Он их, сотворил их мужчиной и женщиной» (Берешит, 1:26–27). Революционность этого заявления отнюдь не в том, что человек может быть подобием Б-га: в такое верили, например, когда речь шла о царях месопотамских городов-государств и египетских фараонах. Их воспринимали как живое подобие божеств. Именно на этом была основана их власть. Революционность Торы связана с утверждением, что этим достоинством обладают не некоторые люди, а все поголовно. По образу и подобию Б-га созданы все мы, безотносительно нашей классовой принадлежности, цвета кожи, культуры или вероисповедания.

Так возникло созвездие идей, которые — хотя для их воплощения потребовалось несколько тысячелетий — в конечном счете привели к формированию культуры, характерной для Запада: неоспоримость человеческого достоинства, понятие прав человека и выражение этих идей в политике и экономике, то есть либеральная демократия и свободный рынок.

Я не собираюсь утверждать, будто эти идеи полностью сформировались в сознании людей уже в период библейской истории. Такого очевидно не было. Понятие «права человека» — детище XVII столетия. Демократию в полной мере воплотили на практике только в XX веке. Но семена были заронены уже в Берешит.

Именно это подразумевал Джефферсон в своей знаменитой фразе: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными», именно к этому Джон Ф. Кеннеди воззвал в своей инаугурационной речи, говоря о «революционном убеждении» в том, что «права человека даны ему не щедротами государства, но Б-жьей дланью».

Ирония в том, что все эти три текста — Берешит (1), Шмот (19:6) и Ваикра (19) — произносит голос священства, называемый в иудаизме «Тора коаним»¹. На первый взгляд священники не были эгалитаристами. Все они были из рода Леви и из одного семейства этого рода — семейства Аарона. Правда, Тора сообщает нам, что изначальный замысел Б-га был иным. Изначально предполагалось, что особой святостью в качестве служителей Б-га будут наделены первенцы — те, кто был спасен от последней казни египетской. Только после греха с золотым тельцом, в котором не участвовал род Леви, Г-сподь изменил это установление.

И все равно священство представляло собой элиту: роль священника была зарезервирована исключительно за первенцами мужского пола. В монотеизме понятие равенства заложено так глубоко, что возникает именно в речах, произнесенных голосом священства — тем голосом, от которого мы совершенно этого не ожидали.

Дело в том, что в Древнем мире религия вовсе не случайно, а, напротив, по сути, оберегала общественную иерархию. С развитием сельского хозяйства, а затем и крупных городов сложились общества, отличавшиеся резким социальным расслоением: на вершине — правитель, окруженный царедворцами, ступенью ниже — административная элита, а в самом низу — неграмотные массы, время от времени мобилизуемые либо в армию, либо на подневольные работы — в трудовую армию, которую использовали на строительстве циклопических зданий.

¹ Разумеется, призывы к равенству звучали и из уст пророков. От всех пророков мы слышим критические замечания о злоупотреблениях властью и эксплуатации бедняков и неправых. Но огромная значимость голоса священства в том, что это глас закона, то есть правовых структур, которые облегчали положение бедняков и налагали ограничения на рабовладение.

«Скрепой», предохранявшей эту структуру от распада, была замысловатая доктрина небесной иерархии: о происхождении этой иерархии рассказывалось в мифах, ее самый распространенный символ среди природных явлений — солнце, ее отображением в архитектуре были пирамида или зиккурат — огромные здания с широким основанием, сужающиеся кверху. Божества вели войну и установили иерархический порядок господства. Бунт против земной иерархии был равносильным оспариванию объективной реальности.

В Древнем мире это верование было всеобщим. Аристотель полагал, что одни рождены властвовать, а другие — подчиняться. Платон в диалоге «Государство» разработал миф, объясняющий классовое расслоение тем, что боги, творя людей, использовали разные вещества: одни люди содержат примесь золота, другие — серебра, а третьи — меди. Такую вот «ложь во спасение» требовалось распространять, чтобы общество защищалось от инакомыслия.

Монотеизм выдергивает из-под иерархии всю ее мифологическую базу. Среди божеств нет иерархической субординации, потому что никаких божеств нет, есть лишь Один Б-г, Творец всего сущего. Всегда будут некие формы иерархии: армиям нужны командиры, фирме — директор, а оркестру — дирижер. Но эти места в иерархии — функциональные, а не онтологические. Это не права, предоставляемые с рождения. В этом контексте нас еще больше впечатляет тот факт, что эгалитаристские заявления исходят из уст священника, чья роль в религии была обусловлена его рождением в определенной семье.

Понятие равенства, которое мы встречаем в Торе конкретно и в иудаизме в целом, — не имущественное равенство: иудаизм и коммунизм — разные вещи. И не равенство могущества: иудаизм и анархия — также разные вещи. В сущности, это равенство человеческого достоинства. Все мы равны как граждане, принадлежащие к народу, верховный правитель которого — Б-г.

Из этого исходит описанная в Ваикра замысловатая политико-экономическая структура, которая строится вокруг числа «семь» — символа святости. Каждый седьмой день — время, свободное от работы. Каждый седьмой год урожай полей принадлежит всем, рабов-евреев следует отпустить на волю, долги — списать. Каждый пятидесятый год родовая земля должна была вновь становиться собственностью первоначальных владельцев: тем самым сглаживалось неравенство, неизбежно порождаемое свободой.

Логика, стоящая за всеми этими предписаниями, — откровение священства, гласящее, что Б-г, Творец всего сущего, является и конечным собственником всего сущего: «Земля не может быть продана безвозвратно, потому что земля — Моя, а вы у Меня — как переселенцы и поселенцы» (Ваикра, 25:23). Следовательно, Б-г имеет не только власть, но и право сдерживать неравенство. Не следует лишать кого бы то ни было человеческого достоинства — а люди теряют его потому, что живут в крайней нищете, долго находятся в рабстве или не могут оплатить свои долги.

Нечто воистину замечательное случилось после окончания библейской эры и разрушения Второго храма. Обнаружив, что вся инфраструктура святого — Храм, его священники и жертвоприношения в Храме — утрачена, иудаизм перенес систему аводы — Б-жественного служения — в повседневную жизнь простых евреев. На молитве каждый еврей стал священником, приносящим жертву. При покаянии он стал первосвященником, искупающим свои грехи и грехи своего народа. Каждая синагога в Израиле и где бы то ни было стала фрагментом Иерусалимского Храма. Каждый стол стал алтарем, каждое проявление милосердия или гостеприимства — своего рода жертвоприношением.

Изучение Торы — а оно прежде было исключительным занятием священства — также стало правом и обязанностью каждого человека. Не всякий мог бы надеть венец священства, но венец Торы может надеть всякий. Как говорят мудрецы, мамзер талмид хахам — знаток Торы, являющийся незаконнорожденным, — выше, чем ам аарец козн гадоля, невежественный первосвященник.

Из последствий опустошительной трагедии — потери Храма — мудрецы выстроили религиозно-общественный порядок, который стал ближе, чем прежде, к идеальному состоянию народа как «царства священников и святого народа». И семена того были заронены в первой строке Ваикра, 19: «Передай всей общине сынов Израиля: “Будьте святы, ибо свят Я, Г-сподь, ваш Б-г!”»

Святость дана нам всем, когда мы превращаем свою жизнь в служение Б-гу, а общество — в жилище Б-жественного Присутствия.